

ПЕРСПЕКТИВЫ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Куницын
ИИИУ (И. Мини)

Эпиграфом к одной из своих статей, сыгравшей выдающуюся роль в формировании концепции информационного общества, Д. Белл приводит отрывок из стихотворения американского поэта XX в. Т. Элиота. В этом отрывке есть такие строки:

«О жизнь, растроченная в существовании...
О мудрость, утраченная в знании...
О знание, потерянное в информации...» [1, с. 330].

На наш взгляд, в этих словах Т. Элиота содержится глубокая критика тех направлений образования, которые вытекают из концепции информационного общества.

То обстоятельство, что современное техногенное общество переживает кризис, является общим местом в современной философской и социологической литературе [2, с. 333-337, с. 110].

Для того, чтобы найти истоки и причины кризиса этой цивилизации и наметить пути выхода из него, необходимо знание. Но в этой связи следует выяснить какого рода должно быть это знание.

Как известно, концепция постиндустриального общества Д. Белла основана на том, что в условиях превращения науки уже с начала XX в. в производительную силу общества, наряду с капиталом и трудом (индустриальное общество), знание становится фундаментальным ресурсом цивилизации. Вследствие этого постиндустриальное общество ускоряет темпами и масштабы совершенствования средства передачи, хранения и обработки информации «[позитивное] удивление то обстоятельство, что сам Д. Белл считал информационное общество следующей стадией развития общества постиндустриального» [4, с. 58]. Таким образом, между социологом отождествляет понятия знания и информации. Однако, как показывают современные исследователи, между знанием и информацией имеются существенные различия: «[По сути] внутренней сути знание не склонно к распространению. Основная проблема существования знания – это так сказать трудности "перевода". Знание, как это ни парадоксально звучит, является личностным феноменом, даже (и в первую очередь) когда речь идет о научном знании. Процесс передачи и транслирования знания требует определенной подготовки и обработки. Основное свойство информации состоит в миграции» [4, с. 59]. Поэтому, с точки зрения Г. Н. Мележа, «если знание в процессе обоснования и легитимизации ориентируется прежде всего на идеал истины, то для легитимизации информации достаточно ссылки на какой-то источник. Истинность информации при этом никто не гарантирует – "за что купил, за то и продал"».

Таким образом, в отличие от информации, которая носит безответственный обезличенный характер, знание лично, самообусловленно и труднодоступно для неподготовленного и невосприимчиво обывателя. В этих условиях колоссальное накопление информации, ее релятивный и близкочеловеческий характер приводит к тому, что «обилие информации поражает и парализует индивида. Но поразительно, что при этом информация не становится стимулом действия. В цивилизации стала самоцелью» [5, с. 457].

Учитывая эту критику так называемого "информационного общества", современные теоретики постиндустриального общества (в частности П. Дракер) отказались от отождествления понятия информации и знания и сформулировали более точное определение современного этапа развития постиндустриального общества, назвав этот этап обществом знания, в котором информационные технологии и коммуникации играют подчиненную роль по сравнению с производством знания. Ядром этого общества знания, с точки зрения П. Дракера, является система образования, главная задача которого, заключается в том, чтобы научить индивида самостоятельно учиться и развиваться [6, с. 98].

С точки зрения П. Фришмана и Дж. Майерса, с точки зрения П. Дракера, образование является

осуществляется процесс обучения и производства новых знаний.

Тем не менее, следует отметить, что большинство теоретиков, анализирующих процесс становления и развития "общества знания" и задачи реформирования системы образования, которые вытекают из самой концепции "общества знания", рассматривают знание крайне утилитарно. Знание для них является лишь одним из фундаментальных оснований (наряду с капиталом и трудом) экономического роста развития стран Запада. Этот утилитаризм в подходе к пониманию знания вызывает критику со стороны многих современных философов и социологов. Одним из проявлений такой критики явилась концепция "общества риска" известного немецкого социолога У. Бека. С точки зрения У. Бека, безудержный темп развития современного техногенного общества, связанный с постоянно увеличивающимся потреблением невозобновляемых природных ресурсов, с растущим загрязнением окружающей природной среды отходами производства, с господством в современной экономической системе Запада финансового капитала, рост которого не обеспечен реальным развитием производительных сил общества, ведет к увеличению неопределенности и рисков для самого существования человечества [7]. В этой связи, с точки зрения Д.В. Ефременко, само "общество риска" является оборотной стороной "общества знания". Поскольку научное знание предопределяет будущее развитие человечества, оно вместе с тем выступает и как важнейший фактор, способствующий нарастанию неопределенности этого будущего.

Исходя из вышесказанного, нет ничего удивительного в той растущей критике образовательных стратегий (и в частности Болонского процесса), построенных на концепции "общества знания", в современной отечественной философии и педагогике [8, с. 42–43; 9, с. 166–167]. Критику инновационные проекты в области образования, построенные на теории "общества знания", А.Ю. Ашкерев совершенно справедливо отмечает: «"Инновационность" образования предполагает... вполне предсказуемую переменную: знание окончательно превратилось в потребительский продукт со своим стоимостным наполнением, а образовательная система стала институтом интеллектуального сервиса, вполне вписывающимся в существующую сервисную инфраструктуру. Концепция «общества, основанного на знаниях», пришедшая на смену концепции информационного общества, отсылает нас к общественной реальности, целиком построенной в таком потребительском отношении к знанию. ...Другая характеристика "общества, основанного на знаниях" связана с тем, что по отношению к другим формам интерпретации знания доминирующим стал компетентностный подход. Отныне "знанием" признаётся специализированная экспертная информация, суммирующая комплексные сведения о заведомо частном явлении. При этом знание понимается как менеджерский, организационно-управленческий ресурс. ...Всё это, разумеется, имеет масштабные последствия. В частности, знание перестаёт восприниматься как предельно бескорыстная заинтересованность. В мире, столкнувшемся с кризисом перепроизводства возможностей, для такого интереса возможности не остаётся. Сомнительны и перспективы философии, которые немислимы без бескорыстного отношения к знанию. Философия сталкивается и с другой угрозой: соответствовать компетентностному подходу означает для неё превращение в банальную идеологию изучения сознания» [10, с. 31].

Таким образом, стратегии образования, построенные на теориях "информационного общества" или "общества знания", не могут помочь нам найти путь выхода из кризиса современной техногенной цивилизации, но самое главное двигаться по этому пути.

Дело заключается в том, что все эти теории построены на фундаменте культуры исторической парадигмы социального знания, которая, в свою очередь, является самосознанием самопониманием техногенного общества. Для того, чтобы найти этот путь, следует выйти за пределы данной парадигмы, отразмышлить современную социальную реальность на основе новой, формирующейся в наше время эколого-футурологической парадигмы.

Переосмысливая в связи со всем вышесказанным строки из стихотворения Т. Элизенко, следует отметить, что для того, чтобы отыскать путь выхода из кризиса современной техногенной цивилизации, а следовательно, возвратиться к неистраченной в существовании жизни, необходимо найти знание, потерянное в информации, и вернуть мудрость, утраченную в знаниях.

Список использованных источников

1. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.
2. Кузнецов, А.В. Практикум по философии: Социальная философия / А.В. Кузнецов, В.В. Кузнецов. – М., 2011.
3. Барлыбаев, Х.А. Актуальные задачи философского анализа содержания современной эпохи / Х.А. Барлыбаев // Философия и общество. – 2011. – № 2.
4. Мехед, Г.Н. Метаморфозы постиндустриального общества: общество знания или общество информации? // Философия и культура. – 2010. – № 12.
5. Марков, Б. Человек в эпоху масс-медиа / Б. Марков // Информационное общество. – М., 2004.
6. Дракер, П. Посткапиталистическое общество / П. Дракер // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.

8. Ключина, А.И. Культура и образование в эпоху глобализации / А.И. Ключина // *Вестник МГУ. Серия: Философия, культурология, искусствоведение*. – 2010. – № 4.
9. Наливайко, А.В. Философия образования Востока и Запада: общее и особенное / А.И. Ключина, А.В. Наливайко // *Философия образования*. – 2011. – № 1.
10. Кто сегодня делает философию в России. Т. 1. – М., 2007.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ